

Татьяна Левченко

маяк с драконом

издательство
«Лира Босфор»

Керчь
2012

ББК 84 (Крым. Рус.)
Л 64

Литературно-художественное издание

«МАЯК С ДРАКОНОМ» фант-реал
Левченко Татьяна Владимировна
«КГЛито «Лира Боспора» - 2012 г. 28 с.

Редактор Вдовенко А. Н.

В новой фанпастической повести керченского автора Татьяны Левченко причудливо переплетаются характерный для её предыдущей книги жанр «фант-реал» и жанр фэнтези. Кульповый персонаж этого жанра - Дракон - наделён яркими, выпуклыми чертами человеческого характера. Надеемся, что повесть привлечёт внимание не только любителей фантастики, но и вообще людей, желающих почитать что-либо на нормальном русском языке.

ISBN 978-966-649-521-0

© «КГЛито «Лира Боспора» макет 2012 г.
© Левченко Т. В. текст 2012 г.

... *У* присел я на обочине дороги, прежде чем войти в этот Город. Он лежал передо мною не в низине и не на возвышенности, отчего виделся с места моего отдыха крайними, убогими, но опрятными домишками.

В своём долгом пути я перевидал великое множество городов, вот так же отдыхая край дороги. Все они представляли иначе перед взором моим: будь то в долине, или на холмах, – первыми виделись великолепные храмы и здания центра, и лишь потом взгляд скользил к окраинам, где, за пышной зеленью, либо за яркими крышами крепких домов, нищие и убогие не проглядывались вовсе.

Оттого, наверное, города эти казались этакими самодовольными, самодостаточными, отчуждающими уже на подступах.

«Бездельник! – бросали надменно добротные и богатые дома их центров. – Ты просто отлыниваешь от работы, желая получать блага жизни за счёт других!»

«Бродяга! – скрипели вычурно вызолоченные храмы этих городов. – У тебя нет ничего святого, потому и неприкаянный бродишь по свету!»

«Убирайся! – шипели на меня их зловонные окраины – тем более нищие, чем богаче были дома и храмы в центре. – Ты чужой здесь! Ты хочешь отнять последний кусок у местного нищего!»

И я уходил. Я шёл и в пути, где мог вместо ругани и шипения получить ночлег, либо кружку молока или краюху хлеба – оплачивал эти дары трудом своим. Я не был бездельником. И я не был бродягой. И не нужен был мне последний кусок последнего нищего.

Я шёл и наблюдал жизнь людей. Я шёл и слушал, в пути и на привалах, слова, складывавшиеся то в прибаутку, то в сказание, то в быль, то в мифы или сказку, легенду ли. А то певуче лились слова песней весёлой либо задумчивой, или озорно частили частушками, вдруг переходя в размеренную притчу, в краткое изречение мудрости.

И все дела, которые я делал, трудом оплачивая ночлег и пищу, складывались во мне в опыт, опыт переходил в мастерство. Мастерство же непостижимым образом входило в сочетание с другим моим приобретением: все слова, слышанные мною, слагались в знания, все знания сливались в ёмкое Понимание. Вот это Понимание и единилось с Мастерством в

некое Творческое Знание. Великая Мудрость Творца открывалась мне в Пути моём, и радовался я этому открытию, и делился толикою своих познаний с искавшими их. И светел был путь мой. Но не знал я, долог ли будет он.

... **У** вот теперь, сидя на обочине перед входом в этот необычный, так отличающийся от всех других городов, Город, подумал я, что, наверное, здесь и будет конец Пути моего. Потому что не слышал я ни кичливого ворчания Богатства, ни скрипучего, как дряхлые ворота с никогда не мазаными петлями, голоса показушной «святости», ни шипения и зловония от столь близкой сейчас окраины. Но что же дальше? По легендам, теперь, в конце Пути, мне надлежало совершить какой-нибудь подвиг на благо всего человечества или хотя бы вот этого Города. Ведь весь Путь я, практически трудился для себя и для достижения своей цели.

Дракона убить, что ли?..

Однако... в богатыри я никоим образом не годился, да и драконы все, пожалуй, повывелись... Я усмехнулся этим мыслям и обратил внимание своё к действительности.

Со стороны Города, по неровной колее мало езженной дороги, заросшей кое-где высоким и крепким бурьяном, приближался человек. Когда он подошёл ближе, я отметил, что он юношески худощав, подтянут,

но в годах ближе к зрелому возрасту. Одежда его, как в подтверждение родственности с виденной мною окраиной Города, была небогата, в заплатах, но чиста и опрятна.

Шёл человек налегке, потому не мог быть Путником. Шёл он целеустремлённо, поэтому не мог быть бездельником.

Человек приблизился и, поклонившись, сел на обочину неподалёку. Так же, как я впервые, окинул взглядом окраину и, помолчав немного, спросил:

– Что ищешь ты, Путник, в нашем убогом краю?

– Лучшей доли, – усмехнулся я, осознавая всю иронию своего ответа.

Тем не менее, ответ был правдив: я шёл свой долгий Путь по городам и странам, когда-то выйдя за порог отчего дома в поисках «лучшей доли». Просто в те годы я ещё не знал, не мог определить, что же влечёт меня по этому Пути.

– Похоже, лучшая доля, – улыбнулся в ответ человек, – тебе не светит.

– Наверное, она никому не светит, – согласился я. – Однако я уже так долго в пути, что иной жизни для себя и не знаю. Но скажи, – поинтересовался я, – ты шёл так целеустремлённо, и вдруг остановился рядом со мной: не задержал ли я тебя в твоём деле?

– Я шёл именно встретиться с тобой, Путник, – ответил мой собеседник, – задать тебе вопрос, на который ты уже ответил, и несколько других, достаточно важные для меня, чтобы обратиться к Мудрецу.

– Почему решил ты, что пред тобой Мудрец? – удивился я.

– По свету сердца твоего, – изумил меня горожанин ответом, но ни выразить своё удивление, ни возразить я не успел.

Что-то невероятно огромное, тёмно-сверкающее накрыло нас обоих. Через мгновение ощутил я своими боками охват мощной когтистой лапы, когти которой, однако, в тело не впивались. Краем глаза заметил, что рядом, в другой такой же лапе, обвис потерявший сознание мой собеседник. Потом я увидел, что это «Что-то», вернее, теперь «Кто-то» взлетает с добычей в лапах высоко под облака и, то ли от страха, а скорей, от неожиданности и невероятности происходящего, я тоже потерял сознание.

Придя в чувство, я обнаружил себя на верхней площадке какой-то башни. Ничего зловещего здесь не присутствовало. В том числе, не было и моего загадочного похитителя. Находился я в крайне неудобном полусидячем, а скорей, полулежащем положении, опираясь головой о стену внутренней надстройки башни. На лодыжке левой ноги моей закреплён тяжёлый ржавый браслет с крупную ладонь шириной, от которого отходит к огромному, вмурованному в пол площадки, кольцу невероятных размеров цепь. И кольцо, и цепь так же были сильно ржавы.

По краю площадка оказалась огорожена перилами, закреплёнными на довольно редких и, снова-таки, сильно ржавых столбиках. Из-за ржавчины, несмотря

на свою значительную толщину, казались они необычайно хрупкими и ненадёжными.

Я подтянулся на руках и сел удобнее, уже всей спиной опираясь о строение в центре площадки. Оглядел из-за плеча его и отметил, что больше всего оно похоже на фонарь очень крупного маяка: каменная стенка, над нею непрерывное застеклённое окно. Это сходство с маяком породило мысли о море. Но ни шороха прибоя, ни запаха морской соли не чувствовалось. Не пахло и рекой. Я подался в сторону хлипкой с виду балюстрады, чтобы увидеть, что там, внизу. Открывшийся вид настолько ужаснул меня своей невообразимостью, что я, резко откинувшись назад, крепко ударился головой о стену, как бы не из тяжёлого мрамора и, по-видимому, вновь надолго потерял сознание.

Потому что, когда очнулся, обнаружил, что я не единственный обитатель площадки. По левую руку от меня, цепью прикованный к тому же кольцу, сидел человек, весь внешний облик которого выдавал в нём Путника – «искателя лучшей доли», каким был я сам.

Об этом я и задал ему вопрос.

– Да, – ответил мне товарищ по необычному заточению. – И, похоже, самых заядлых «искателей» именно такой конец и ожидает.

– Странно другое, – заметил я. – Вместе со мною был человек, который вовсе не искал другой доли – ни лучшей, ни иной. Но здесь почему-то его нет.

– Ну, это-то как раз и не странно, – иронически улыбнулся мой собрат по образу жизни. – Если исходить из того, что приносит сюда нас всех дракон.

– Какой дракон?! – опешил я.

– Обыкновенный: огромная ящерица с перепончатыми крыльями. И, судя по опалённым стенам сего строения, – он скосил глаза на фонарь, местами действительно, словно покрытый копотью и подпалинами, – вполне даже огнедышащий.

– Я, по всей вероятности, потерял сознание и не мог определить, кто этот обладатель столь мощных лап. Кстати, – удивлённо добавил я, – почему он не повредил своими когтями тела?

Мой товарищ, как и я, задрал подол рубахи, с не меньшим удивлением оглядывая себя. Кроме кровоподтёков от силы сжатия, на нас не было ни царапины. Тем более непонятной становилась ситуация.

Станным было и другое. Мы здесь, на вершине маяка, находились в, скажем, неполной тьме, сумраком которую назвать нельзя было. Тем не менее, мы очень хорошо различали и друг друга, и всё окружающее. Внизу же и вдали – в таких невообразимых по протяжённости своей ВНИЗУ и ВДАЛИ, что я, при первом взгляде просто потерял сознание – ясно различались с одной стороны день, а с другой – ночь. Более того, и там, и там отчётливо просматривался бегущий светлый луч от нашего маяка. Что было уж вовсе невообразимо, так как в помещении за стёклами фонаря была всё та же неполная тьма. А когда я, опасливо прижимаясь к стене, чтобы держаться как можно дальше от хлипкой балюстрады, приподнялся и прижался лицом к стеклу в надежде рассмотреть, что

находится внутри, новая волна ужаса окатила меня и, обессиленный, опустился на пол. Если это был Цербер, то вполне понятно отношение к нему древних. Всего туловища я не успел разглядеть, но гигантской головы с крокодильей пастью было достаточно. Кроме того, в это краткое мгновение успел заметить, что дверь, выходящая на площадку с противоположной от нас стороны, открыта. Зверь же, услышав звяканье моей цепи, резко повернул голову, ощерив невероятные, словно гигантская пила с неравномерными зубцами, зубы.

Полюбовался на этого зверя и мой сотоварищ. Покачал головой, и опустился на прежнее место.

У занялись мы двумя доступными для нас делами: неспешной беседой и озиранием окрестностей.

Первое дело, однако, к нашему обоюдному удивлению, быстро себя исчерпало. По той причине, что, поведав друг другу каждый о своём детстве и о первоначальном побуждении к выходу в Путь, далее мы могли не говорить. Так как оба в Пути собрали практически равный багаж знаний и мастерства, одинаковые слова звучали для нас в разных местах, в одинаковых текстах. А области Понимания, которые у нас не совпадали, объяснить друг другу мы всё равно не смогли бы. Ибо, каждый должен к тому или иному Пониманию прийти сам и только сам. Ведь, не зная сути и смысла, слова объясняющего мы пропустим мимо если не слуха, то сознания. Поэтому мы ограничились лишь намёками на направление мыслей,

дабы каждый из нас, размышляя в этих направлениях, самостоятельно получил своё Знание, своё Понимание.

Беседуя, мой товарищ машинально трогал браслет на своей ноге, покачивал его, поставил на ребро, укладывая ногу удобнее. И, внезапно рассмеявшись, легко вынул ступню из, оказывается, довольно широкого отверстия браслета. Я, глядя на это, тоже со смехом, освободился от своих странных оков.

Посмеявшись, мы переглянулись с некоторым недоумением: что это – шутка такая? Ещё раз оглядев оковы, поняли, что предназначены они для двух одинаковых конечностей, гораздо более объёмных. Склёпаны они были надёжно и места склёпки закипели давней ржавчиной настолько, что и шва не разглядеть.

– Как же он освободился? – задумчиво проговорил мой товарищ, покачивая браслет, стоявший ребром.

– Может, отоцал? – пожал я плечами и сам же усмехнулся этому предположению: ведь лапа дракона не ступня человека, и не сожмётся до ширины лодыжки...

– Одно меня утешает, – продолжил товарищ. – Эта ящерица явно обладает чувством юмора.

И мы, в который раз, переглянувшись, дружно припали лицами к стеклу окна.

Увы, Цербер оставался Цербером и оставался на месте, то есть, в месте единственного выхода из башни. Мало того, на наше любопытство он отреагировал не только лязганьем жутких зубов, но и мощным рывком в нашу сторону в сопровождении какого-то скуляще-визжащего рыка. И, пусть что-то удерживало его внутри помещения, легче нам от этого не стало.

... *Я* стоял, опершись о перила ограждения, находящиеся на уровне моей груди, и задумчиво всматривался в открывающуюся моему взору невообразимо далёкую панораму неведомого.

День и Ночь, Утро и Вечер. И непрерывно вращающийся, исходящий из маяка, луч непонятно откуда берущегося света.

День и Ночь, Утро и Вечер. И россыпи бледных и ярких огней во всём пространстве. Вверху и внизу, и во все стороны. Будто мы на маяке плывём астероидом в бесконечном Космосе: звёзды вверху, звёзды внизу, звёзды вокруг нас.

День и Ночь. То справа и слева, то впереди и позади, но всегда внизу и никогда над головой.

– Почему? – спросил я остановившегося рядом товарища, до этого отмерявшего заданное себе расстояние хождением вдоль стены фонаря.

Сейчас он немного подумал, равномерно постукивая пальцами правой руки по перилам. Те издавали глухой звук без малейшего намёка на вибрацию. Именно так мы убедились в их прочности, используя свои Знания и Мастерство: хлипкое сооружение издало бы вибрирующий либо самопоглощающийся звук. Первый – от истончения железа и дерева, второй – от затаившейся гнили внутри внешне целого материала. Балюстрада оказалась крепка – не на века – на тысячелетия, определили мы.

– Это не звёзды, – наконец отозвался товарищ. – Это селения, города, страны, континенты. Это Земля, видимая почему-то сразу всей поверхностью, – и так же, ладонью, очертил контуры континентов.

– Но россыпи огней вовсе не напоминают ни городов, ни селений, – пожал я плечами.

– А тех огней – электрических – мы почему-то и не видим...

Да, подумал я, иначе сразу бы выделились крупные города. Но что же это за огни? И почему, попадая в луч маяка, они разжигаются ярче и словно устремляются к нему и вслед за ним?

Иные огоньки, после ухода луча, возвращаются к прежнему уровню своего свечения, другие же, словно костёр от подброшенных сухих веток, разгораются ярче и начинают светить ровнее, в то время как более бледные часто мигают. Одни огоньки видятся группами, другие разрозненно. Где-то их больше, где-то

меньше. И больше вовсе не обязательно в тех местах, где расположены крупные города. Скорей, наоборот, они словно окаймляют эти города.

– *О*пять он плачет, – грустно вздохнул мой товарищ.

– Да, – кивнул я. – Кажется, ещё немного, и я пойду его утешать.

Дело в том, что всё чаще из фонаря, из глубины его доносились скулёж с повизгиванием и откровенные, совершенно человеческие, всхлипы. Наверное, Цербер таким образом жаловался на свою цербериную долю.

Правда, мы не могли понять, как он мог издавать звуки, столь напоминающие человеческие причитания. Может, это такой способ приманивания жертвы?

Проверить пока ни я, ни мой товарищ не решались.

... *А* потом прилетел дракон.

И ни я, ни товарищ мой не удивились и не испугались ни внезапного появления, ни самого вида его. В сравнении с Цербером за стеклом, дракон был даже красив.

Я, оказывается, не ошибся, отметив во время нападения его на меня и горожанина, что было это «тёмно-сверкающее». Дело в том, что сам дракон довольно тёмный – зелень, уходящая в черноту. Но при этом чешуя его столь гладка и своеобразно изогнута, что при малейших проблесках света искрится яркими вспышками. Зрелище завораживающе-прекрасно.

Тем не менее, мы сознавали, что сие прекрасное явление явилось, дабы закусить кем-то из нас.

Дракон, несмотря на свои внушительные размеры, по-птичьи уселся на перила ограждения, крепко охватив их мощными когтями перепончатых лап. Как ни странно, балюстрада даже не скрипнула.

Сложив на спине крылья, дракон внимательным взором оглядел всю видимую округу, чему-то удовлетворённо кивнул и проговорил глухим, но довольно чистым по тембру голосом, обращаясь ко мне:

– Почему вы ещё не ушли?

Мы с товарищем переглянулись: интересный вопрос! И я иронически пожал плечами:

– А зачем?

Дракон иронию проигнорировал.

– А тот, другой, что с тобой был, он болен, что ли? – опять обратился ко мне.

– С чего ты у меня спрашиваешь?! – удивился я. – Ветрянку от него подхватил, или невкусный?

Дракон снисходительно смерил меня огромными карими глазами, глядящими по-собачьи вперёд, но с вертикальными кошачьими зрачками, и покачал головой:

– Болван! Ящерицы насекомоядные. Независимо от размера. – И, словно бы обиженно, покосился на моего товарища: именно он отзывался так: «летающая ящерица».

– Ну, не скажи! – усмехнулся я. – Варан хищный.

– Ладно! Я не варан. И не ящерица, – он помолчал и добавил, с некоторой долей гордости. – Я – Дракон, – и, опять, после паузы, значительно: – Огнедышащий, – наверное, для большей убедительности, выпустил

сквозь зубы в сторону небольшую, метра три, струю клубящегося ярко-оранжевого пламени. Выждав ещё паузу (для аплодисментов! – усмехнулся я про себя), дракон... простите, Дракон Огнедышащий вернулся к делу: – Но я не об этом, – он осторожно, всё-таки осторожно, переступил лапами. – У тебя спрашиваю, потому что с тобой нашёл. Он не работает, всё время плачет. Я уж и собачонку ему оставил, когда улетал – нет, скулит...

– Со-со-со-ба-чѐ-о-онку?!! – вскричали мы с товарищем разом и с опаской оглянулись на фонарь.

Цербера за стеклом, однако, не было. Цербер был на площадке, в двух шагах от нас.

Я смотрел во все глаза на невероятнейшее создание с длиннющим телом, на непомерно коротеньких тоненьких лапках, с гигантской головой и уже описанной крокодилейей пастью. На макушке каким-то образом торчали огромные уши. Кажется, ни одна собака в мире такие уши поставить торчком не сумела бы.

Несмотря на свой ужасный вид, зверюга была до слёз, до боли знакома. К ней так и просилась подпись огромными печатными буквами: САБАКА.

– САБАКА! – изумлённо прошептал я.

– Настоящая САБАКА! – смеясь, повторил мой товарищ. – Откуда?!

– Тоже мне, диво! – фыркнул Дракон. – Их рисует едва ли не каждый второй ребёнок.

В это время из фонаря донеслись прежние всхлипы и причитания. Я вздрогнул. Сабака всем телом плюхнулась на пол, горестно возвела глаза и тихонько заскулила. Мой товарищ хлопнул себя ладонью по лбу, обогнул строение и вошёл в раскрытую дверь помещения. Вскоре он появился, ведя за руку горемычного горожанина, так незадачливо попавшего в лапы Дракона вместе со мной. Глаза его были заплаканы, и весь он дрожал, не то от холода, не то от страха.

– Разве ты не искал лучшей доли? – обратился к нему Дракон.

– Отпусти меня домой! – взмолился горожанин, заливаясь слезами.

– Он не искал лучшей доли, – объяснил я Дракону. – Он просто подошёл ко мне с вопросом, а тут ты налетел...

– Вон оно что... – пробормотал Дракон. – Ну, тогда отнесу тебя назад.

– Правда?! – горожанин мгновенно повеселел и уже смелее огляделся вокруг: не только площадку маяка, но и всё видимое пространство. От созерцания далее он, с некоторым изумлением перешёл на оглядывание меня и моего товарища.

– Значит, вы всё-таки нашли её... – прошептал он восторженно.

Мы с товарищем непонимающе переглянулись.

– Что мы нашли? – спросил я.

– Лучшую долю пояснил горожанин. –
Оказывается, она светит всем...

Мы всё ещё не понимали.

– Что здесь особенного? – пожал крыльями Дракон. – Свой свет никогда не видим. А так... работа есть работа... – он вздохнул. – Когда-то сюда шли сами. Шли, чтобы убить Дракона. И тогда Свет разливался по всей Земле. Дракон его, якобы, пожирал...

– Как же ты жив?! – удивились мы хором.

Дракон молча снялся с перил и отлетел чуть в сторону.

– У них мечи были, – пояснил, возвращаясь на место. – Потом они просто не уходили, понимая, в чём дело. А легенды преврали, что каждый, убивший Дракона, сам становится им.

Мы все помолчали.

– А это всего лишь работа. Необходимая, нужная, но работа, – вздохнул Дракон и закончил: – А теперь вы бродите по земле в поисках какой-то лучшей доли, судьбы, истины, и одни Небеса ведают, чего ещё. А я должен вас отлавливать по всем дорогам!

И мы все дружно расхохотались. А горожанин обхватил руками уродливую голову Сабаки, потрепал её за неуклюжие уши.

– Можно, я заберу её с собой? – спросил он.

– Можно, – кивнул Дракон. – Но там, внизу, атмосферное давление и земное притяжение просто расплющат её, и она станет обычным рисунком на асфальте или на листе бумаги.

– Тогда я лучше там нарисую её, – погладил горожанин Сабаку по голове, отчего та довольно зажмурилась. – А ты оставайся здесь и работай! – шутливо наказал он ей. И обратился к Дракону. – А кем она работает?

– Собакой, – вновь пожал крыльями Дракон. – Пока научатся правильно рисовать, она работает собакой.

Он опять снялся с перил и сделал медленный облёт башни, видимо, разминая крылья. И вдруг захлопал ими суматошно, суетливо, как-то неуклюже опустился на перила и, задыхаясь от непонятого волнения, беспокойно оглядываясь через плечо вниз, проговорил, скорее выдохнул:

– Идёт! Великие Небеса, сам идёт!

Мы недоумённо переглянулись. Даже Сабака осторожно подошла к краю и, поскольку глаза находились чересчур далеко от кончика носа, не видя, тщательно внюхивалась – что так всполошило её друга?

Мы по-прежнему не понимали. Как ни странно, именно горожанин догадался подойти к перилам и глянуть вниз.

– Их двое, – проговорил он. – Просто один ярче.

– Даже?! – изумился Дракон. – Великие Небеса! – казалось, сейчас он упадёт в обморок.

Мы с товарищем, наконец, догадались, в чём дело, и с улыбками наблюдали за суетой и растерянностью этого, недавно величественного, существа.

– Мужики! – вдруг обратился Дракон к нам. – Вы уж меня не выдавайте!

Мы, было, подумали, что он боится: в конце концов, кто-то его убьёт, и приготовились дружно заверить, мол, будем защищать до конца. Но Дракон, опомнился:

– Впрочем... вы же здесь! И не спрячешь... А! Будь, что будет!

Дракон бережно обхватил одной лапой горожанина и в мгновение ока скрылся с ним, как растворился в пространстве.

– Даже попрощаться не дал! – тихонько засмеялся я и подошёл к перилам, где до сих пор приюхивалась к чему-то внизу Сабака. Глянул вниз. – Однако я ничего и никого не вижу!

– Ах, вот оно что! – воскликнул мой товарищ, тоже любопытствовавший посмотреть на предмет переполоха. – Эти огни...

– «Свет сердца твоего...» – вспомнил я объяснение горожанина, как он определил во мне «мудреца». – Значит, он всё же видит его...

– А ни лестницы, ни окна, ни нас за окном он не видел... – задумчиво проговорил товарищ, усаживаясь, вытянув ноги, под стеной фонаря.

Сабака улеглась рядом с ним, примостив тяжёлую голову на его коленях.

Я обогнул фонарь и заглянул в дверь. Помещение было довольно просторно, пол его застелен циновками. Люк уходящей вниз лестницы огорожен уменьшенной копией наружной балюстрады. Откуда-то снизу, с лестницы слышались размеренные шаги уверенно и спокойно поднимающегося человека, и слабый свет озарял края люка. Второго человека слышно не было.

Я вернулся к своему товарищу. И мы все трое стали ждать.

Он был очень молод, этот Путник. Едва ли не вдвое моложе каждого из нас. И был он строг и

спокоен, полон собственного достоинства и уважительной почтительности.

Юноша появился на площадке, и лишь едва заметно вздёрнутый край брови показал, что увидел он не то, что ожидал. Но склонился перед нами в земном поклоне, а, выпрямившись, произнёс:

– Приветствую вас, мудрые Учителя! Я увидел Свет ваш, указующий мне Путь, и вот я здесь...

– Мы не Учителя, – жестом пригласил его присесть мой товарищ. – Мы такие же искатели и Путники, как ты и твой друг.

– Даже хуже, – иронически улыбнулся я. – Вы пришли сюда сами, нас же принесли буквально за шкуру.

– Кто же? – с улыбкой оглянулся вокруг молодой человек.

– Есть здесь один товарищ, – начал, было, я обиняками.

Но пришелец вдруг вскочил на ноги и вновь склонился в земном поклоне.

– Приветствую тебя, Смотритель сей Обители! – обратился он к подлетающему Дракону.

Тот от неожиданности точно на преграду наткнулся, вдруг затормозил в воздухе и, кувыряясь, полетел вниз.

– Он разобьётся! – воскликнули мы хором, а Сабака подковыляла к краю площадки и жалобно заскулила.

– Ничего с ним не случится! – улыбнулся молодой человек, поглаживая Сабаку по спине. – Ведь это же мыслеформа...

– ?!!

– А вы что, забыли, что мысль материальна? – пророкотал взлетевший-таки Дракон. – Сроду никто не приветствовал! – смущённо пояснил он свой акробатический номер. – А где же твой спутник? – обратился к юноше.

– Увы, он пока не может подняться сюда. Его Света не хватает, чтобы отчётливо видеть Путь. Мы встретились в дороге, и он шёл рядом. Но на лестнице каждый должен идти сам и только сам...

– Ты молод, но мудр, – с уважением обратился к юноше мой товарищ.

– Да, – кивнул Дракон, – сейчас много молодых на Пути. Но этому способствовали вы и все предшествовавшие поколения Идущих и Ищущих. Ведь именно вашим Светом руководствуются молодые.

С этими словами Дракон снялся, облетел башню и, устроившись на перилах со стороны двери, осторожно просунул в дверь свою крупную, едва входящую в проём, голову и, вытянув шею, извернулся, поглядел одним глазком в люк, вниз на лестницу. В следующее мгновение он, едва не сдирая чешую с головы, выдернул её из двери и каким-то смешным порханием вернулся к нам, заговорщицки пророкотал:

– Идёт! Ему видны лишь две ступени – под ногами и последующая, но он идёт!

И мы все дружно облегчённо вздохнули. Оставалось только ждать.

– *В*от так идёшь, – задумчиво проговорил мой товарищ, – где-то дров нарубишь, где забор поправишь, где слово доброе вовремя скажешь. И работаешь,

считай, задаром: за ковригу хлеба, за кружку молока или ночлег. Кажется: всё только для себя и делаешь – для поддержания себя в Пути, в своём поиске...

– Странно всё же, – поддержал я его, – отчего мы сами не видим этот Свет?

Зашумели крылья, заблестали высверки драконьей чешуи – он взлетел на крышу фонаря и там уютно пристроился, по-кошачьи обернув себя хвостом и шатром распростёрши крылья над нами.

– Вот Солнце, – пророкотал его глухой голос. – Для него вокруг только тьма с крошечными точечками его собственного отражённого света от планет...

– А где он, это маяк? – поинтересовался я.

– На Земле, – ответил Смотритель. – Но путь к нему найдёт только излучающий Свет: этим Светом он освещает себе дорогу. Так что, – встряхнул Дракон крыльями, и всех нас обдало прохладным ветром, – не правы вы все. Свет сердца вашего и вам светит. Главное, понять это надо.

И какое-то время на площадке царил тишина. Только издалека-снизу доносились редкие, будто капли влаги, падающие со сталактита в гулкую тишину пещеры, с длительными остановками, шаги идущего практически в полной тьме нашего неведомого товарища. И помочь мы ему не могли. Он только помнил, что здесь, наверху – Свет, что сюда, впереди него поднялся его спутник. Если же кто-то из нас сейчас появится в проёме люка, он, если ещё очень далеко, может отступить, ужаснувшись расстоянию; а если близко – может расслабиться и оступиться. Нет, на этой лестнице помощи оказать никто не сможет. Сам и только сам, как заметил наш юный, но мудрый друг.

Он, кстати, не сидел, размышляя, а тихо прохаживался по площадке, бросая взгляды то на видимую округу, то на Дракона, мирно дремавшего на крыше фонаря, шипастым кончиком хвоста прикрыв глаза. Отчего казалось, что из-под этого прикрытия он тихонечко за нами наблюдает.

– *А* дальше-то что? – спросил я нарочито безразличным тоном.

Дракон отозвался тут же:

– Что, что... крылья отрастите! – так же нарочито проворчал он.

Мы, смеясь, подняли к нему лица и оборвали смех. Там, вверху, в непомерно дальней дали, сиял, лучился, не мигая, ровный и яркий Свет. И сердца наши устремились, потянулись к нему, зовущему, ждущему...

Но... Путь... Мы не видели Пути...

Зато мы знали – Знали, как этот Путь открыть.

... *И* встал наш самый юный друг. И сделал шаг вверх, поднимаясь на невидимую нам ступень. И сделал следующий шаг, и следующий... и вот он уже выше и дальше перил ограждения... Он, наверное, как и его спутник внизу, тоже видел пока не более двух ступеней, но Путь уже был открыт ему, и мы знали теперь, что трудом своим, работой сердца своего и мысли своей тоже со временем откроем для себя первую и последующие ступени к тому, высшему, ждущему Свету, который кто-то, шедший впереди, посылает для нас, как мы посылаем сейчас для идущих первые свои шаги на Пути.

Юноша удалялся. Он не оглядывался. Но он помнил об оставшихся за ним, и ступени, пройденные им, виделись ещё долгое время, напоминая и показывая: Путь открывается Идущим.

*28 апреля – 28 мая 2007 г.
г. Керчь*

Литературно-художественное издание

Левченко Татьяна Владимировна

«Маяк с Драконом»
фант-реал

на русском языке

Редактор: Вдовенко А. Н
Компьютерный набор:
вёрстка, дизайн, корректура:
Т. Левченко

Формат 84x63 1/32. Заказ № 59
Бумага офисная Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.
Дизайн, макет: Татьяна Левченко,
«Керченское городское литературное
объединение «Лира Боспора»